

Эта Ялин с её вечной гордыней вечно норовила утереть кому-нибудь нос — с первого взгляда видно, что жизнь её ещё ни разу щелчком по носу не учила.

Читая книгу, Бай Цинюнь находил её упрямый, вздорный нрав даже милым. Но столкнувшись с живой... До чего же раздражает.

Взгляд Бай Цинюня потемнел. Меч Текучей Воды на его поясе отозвался мгновенно — со звоном вылетел из ножен и взмыл прямо к облакам.

Слуга, уверовавший, что заклинатели из великих орденов связаны приличиями и не дерзнут обнажить клинок без поводов, опешил от такой пылкости:

— Что вы вытворяете, господин бессмертный?! — воскликнул он, теряя спесь. — Решили притеснить нас только потому, что находитесь на землях секты Тяньи?!

«Неужто он вознамерился напасть на мою госпожу?» — слуга насупился, настороженно переводя взгляд с поднебесья на стоящего перед ним бессмертного, готовый в любой миг вмешаться.

Бай Цинюнь даже не удостоил его взглядом. Пальцы его сплелись в магическом жесте — и в тот же миг поднялся ветер, а небесную гладь заволокли плотные тучи. Заклинатель тихо вскрикнул; Меч Текучей Воды, окутанный сиянием, принялся с оглушительным свистом рассекавать облака.

Сделав триста стремительных виражей, клинок послушно вернулся в ножны от взмаха правой руки хозяина.

— Бай не силен в искусстве врачевания, — ровным тоном произнес он. — Однако мне доводилось слышать: если болящему поднять настроение чем-то прекрасным, недуг отступает быстрее.

Он слегка кивнул ввысь. Слуга проследил за его взглядом — и обомлел.

— Желаю барышне Ялин скорейшего выздоровления.

Высоко над ними перистая облачная дымка сложилась в два четких иероглифа: «Ялин».

— Это... как?.. — По лбу слуги покатился холодный пот. Лишь спустя мгновение он сумел вытолкнуть из себя вопрос: — Откуда господин бессмертный знает имя моей госпожи?

Они ведь тщательно скрывали свое появление!

Бай Цинюнь завел руки за спину. Белоснежные полы его одежд взмыли от порыва ветра, придавая его облику поистине неземное величие.

— Как барышне Ялин было известно, что нас трое, так и нам ведомо её имя.

С этими словами он повернулся и покинул улицу, не обернувшись ни разу.

Слуга провожал его взглядом; лицо его то бледнело, то заливалось краской. Наконец он тяжело вздохнул, и от бывшего высокомерия не осталось и следа. Прижав левую руку к плечу, он глубоко поклонился уходящей фигуре — то был высший почтительный поклон демонов, предназначавшийся лишь самым высокопоставленным особам.

Слухи не врут: секта Тяньи по праву считается первой среди бессмертных обитателей людского мира. Если уж представитель младшего поколения обладает подобным могуществом, сумеет разузнать имя, которое госпожа так тщательно скрывала... Тяньи воистину внушает трепет!

«Хм! Будете знать, как недооценивать нашу секту!» — мысленно задрал нос Бай Цинюнь. Без демонстрации силы эти высокомерные типы так и не поняли бы, с кем имеют дело.

Здравши голову, он любовался сотворенным им облачным пейзажем и упивался собственным неотразимым величием. Увы, заглядевшись, Цинюнь остуился на каменных ступенях и со всего размаха растянулся на земле.

Благо слуга все еще стоял согбенным в поклоне и ничего не заметил. Спасая остатки безупречного аристократического достоинства, бессмертный подхватился и на предельной скорости удрал восвояси.

А когда слуга наконец выпрямился и обнаружил, что бессмертный испарился без следа, то решил, будто тот задействовал технику мгновенного перемещения, и проникся к нему еще большим почтением.

При падении Цинюнь сильно ушиб поясницу. Впрочем, Повелитель Ясного Света свято берег свое лицо: ради сохранения остатков гордости он отказался от мысли опираться о стены и, стеной про себя и глотая слезы, с прямой спиной дошел до своих покоев.

Да что ж такое, опять поясница?!

Упав на кровать, Бай Цинюнь завыл от боли. Невероятно! Разве тела заклинателей не должны отличаться невероятной крепостью? С чего бы банальное падение принесло столько мучений? Неужели... он просто стареет?

Охваченный ужасом, он соскочил с ложа, подбежал к туалетному столику и долго вглядывался в медное зеркало. Убедившись, что его облик по-прежнему безупречен, а красота и

благородство ничуть не увяли, Цинюнь перевел дух.

Все в порядке. Он все так же неотразим.

В этот момент раздался стук в дверь. Бай Цинюнь вздрогнул, поторопился отложить зеркало и, держась за поясницу, хромая, пошел открывать. Он ожидал увидеть кого-то из управляющих внешнего двора, желающих выслужиться, но на пороге стоял Е Цинхэ.

Е Цинхэ застыл, переводя взгляд с нахмуренного лица старшего брата на его руку, подпирающую бок.

— Старший брат, что с тобой?

— Пустяки, — Бай Цинюнь поспешно впустил юношу в комнату. Спасая репутацию, он ни за что на свете не признался бы в столь нелепой травме. Направившись к столу, он попытался перевести тему: — Я думал, вы с Линьсюань отправитесь прогуляться по Городу Тяньи.

— Я люблю тишину.

— Что?

Е Цинхэ перевел взгляд с сизого парка, вившегося над пиалой, на стоящего напротив заклинателя:

— Не жалую суету. В Городе Тяньи слишком многолюдно, а у старшего брата... хорошо.

Взгляды их встретились. В темных зрачках юноши отчетливо отразился силуэт Цинюня.

Бай Цинюнь обомлел. Из-за предвзятости — ведь он заранее отводил Е Цинхэ роль спутника Линьсюань — подобное заявление застало его врасплох, и он на мгновение лишился дара речи.

— Младший брат, Плоды Сотни Духов не только полезны для самосовершенствования, но и весьма приятны на вкус, — произнес Бай Цинюнь натянуто, осознав, что за неполную четверть часа меняет тему уже второй раз. — Не желаешь угоститься?

— Плоды Сотни Духов? — Е Цинхэ вновь взглянул на вазу с фруктами, а затем перевел на стоящего рядом старшего брата загадочный, едва заметно ироничный взгляд: — И впрямь... весьма сладкие.

Бай Цинюнь просто хотел угостить юношу. Однако Е Цинхэ достал из пазухи небольшой ножик, заклинанием очистил руки, после чего взял из блюда один из плодов.

Несколькими ловкими движениями он надрезал кожицу, и цельный фрукт превратился в аккуратные дольки с забавно торчащими кончиками, напоминающими кроличьи ушки.

— Старший брат, — Е Цинхэ поднял взгляд и протянул тарелку Цинюню.

Плоды Сотни Духов славились своим вкусом, однако были слишком крупными и твердыми — откусывать от целого фрукта всегда было сущим мучением. Сам Цинюнь кулинарным талантом не отличался: когда он однажды попытался почистить плод самостоятельно, то лишь изродовал его, испачкав все руки липким соком, и с тех пор забросил эту затею.

А теперь перед ним лежали аккуратные дольки-зайчики — идеально подобранного размера, безупречно разложенные по блюду.

Глаза Бай Цинюня блеснули. Он подался вперед, чтобы взять угощение — душевный порыв заставил на мгновение забыть о телесных недугах.

Но едва он сделал шаг, как резкая, пронизывающая боль пронзила поясницу, проскочив от копчика до самого затылка. Закусив губу, заклинатель сдержал рвавшийся из груди вскрик и инстинктивно попытался отступить, чтобы ослабить спазм, однако зацепил ножку стоящей рядом табуретки.

Нога соскользнула, и Бай Цинюнь полетел на пол.

Е Цинхэ среагировал мгновенно: выронив блюдо, он рванулся вперед и успел схватить старшего брата за рукав. Увы, юноша еще не достиг совершеннолетия и не набрал полной силы, потому удержать взрослого мужчину не смог — и полетел вслед за ним.

В доли секунды Е Цинхэ успел извернуться, увлекая Цинюня за собой, и принял весь удар на себя, выступив живым ковром.

И вот они оказались в весьма двусмысленном положении.

Бай Цинюнь уткнулся лицом в бок Е Цинхэ, всем телом накрыв младшего брата. До слуха донесся тонкий аромат мыльного корня, а сквозь слои ткани ощущалось живое тепло юношеского тела.

Медленно подняв голову, Цинюнь обнаружил, что Е Цинхэ полулежит, прислонившись спиной к опорной колонне, а его ладони все еще покоятся на его, Цинюня, талии.

Веки юноши были прикрыты, а темная родинка в уголке глаза казалась особенно яркой на побледневшей коже.

Поза выходила настолько интимной, словно он сам бросился в объятия младшего брата. Сгорая от смущения, Бай Цинюнь порывался подняться, однако Е Цинхэ нахмурился и удерживал его, не разжимая пальцев.

— Старший брат, — понизив голос, спросил юноша, — что у тебя с поясницей?

В итоге Бай Цинюню пришлось принять помощь Е Цинхэ, чтобы дойти до постели. Кто бы мог подумать, что позорная тайна все равно выплывет наружу! Лежа на ложе, Цинюнь от досады кусал край рукава: уж лучше бы он признался сразу.

— Старший брат, я позвал бы Линьсюань...

— Постой! — перебил его Цинюнь. — Обычное растяжение, к завтрашнему дню само пройдет.

Какая еще Линьсюань! Е Цинхэ — еще куда ни шло, но если девица узнает, что у него в столь юном возрасте проблемы с поясницей, то о репутации можно забыть навсегда!

— Запущенная травма чревата осложнениями, — Е Цинхэ взглядом осадил попытку возразить.

Бай Цинюнь стиснул зубы. Да ведь речь идет о пояснице! А для мужчины это... важнейшая часть тела!

Опустив взор на старшего брата, терзаемого сомнениями, Е Цинхэ немного помолчал и нерешительно предложил:

— Если ты категорически против лекарей, позволь мне взглянуть. Прежде, живя в деревне, я перенял кое-какие приемы у местного костоправа, так что немного разбираюсь во вправлении вывихов и суставов.

Позволить Е Цинхэ?

Бай Цинюнь смерил юношу взглядом, мгновенно прикинув все «за» и «против».

Во-первых, Е Цинхэ и без того знал о его невзгоде. Во-вторых, в каноне действительно упоминалось, что главный герой с детства умел вправлять кости и коленкор. В-третьих, по главному закону сюжетной брони, если главный герой утверждает, будто «немного разбирается», его навыки заведомо превосходят мастерство большинства специалистов.

Звучит весьма убедительно!

— Что ж, полагаюсь на тебя, — решил Цинюнь.

Прежде чем юноша успел хоть слово молвить, Бай Цинюнь уже распустил пояс и сбросил верхние одежды, оставшись в одном тонком исподнем.

«Мужчины ведь, стесняться нечего», — рассудил он, даже не подозревая, какое сильное впечатление эта картина произвела на Е Цинхэ.

Опустив взгляд, юноша проследил за изгибом спины старшего брата, остановившись на самом узком месте. Бай Цинюнь неустанно совершенствовался, и хотя не принадлежал к числу заклинателей-телостроителей, его стан отличался подтянутостью и гибкостью — ни единой капли лишнего жира.

Е Цинхэ положил ладони ему на поясницу. Прохлада его рук заставила Цинюня невольно вздрогнуть. Кожа под пальцами оказалась невероятно гладкой и нежной, словно драгоценный нефрит. Взгляд юноши потемнел; подавив нахлынувшие чувства, он нащупал нужные точки.

Бай Цинюнь ощутил онемение, а затем раздался тихий хруст — и сковывавшая тело боль мгновенно отступила. Он осторожно пошевелился: неприятный зажим испарился без следа.

Воспрянув духом, он обернулся, чтобы выразить благодарность, но застал младшего брата за странным занятием: тот завороченно разглядывал собственные ладони. И то ли у Цинюня в глазах двоилось, то ли ему не показалось... но кончики ушей Е Цинхэ как будто вспыхнули густым румянцем.

<http://bllate.org/book/20397/2115182>